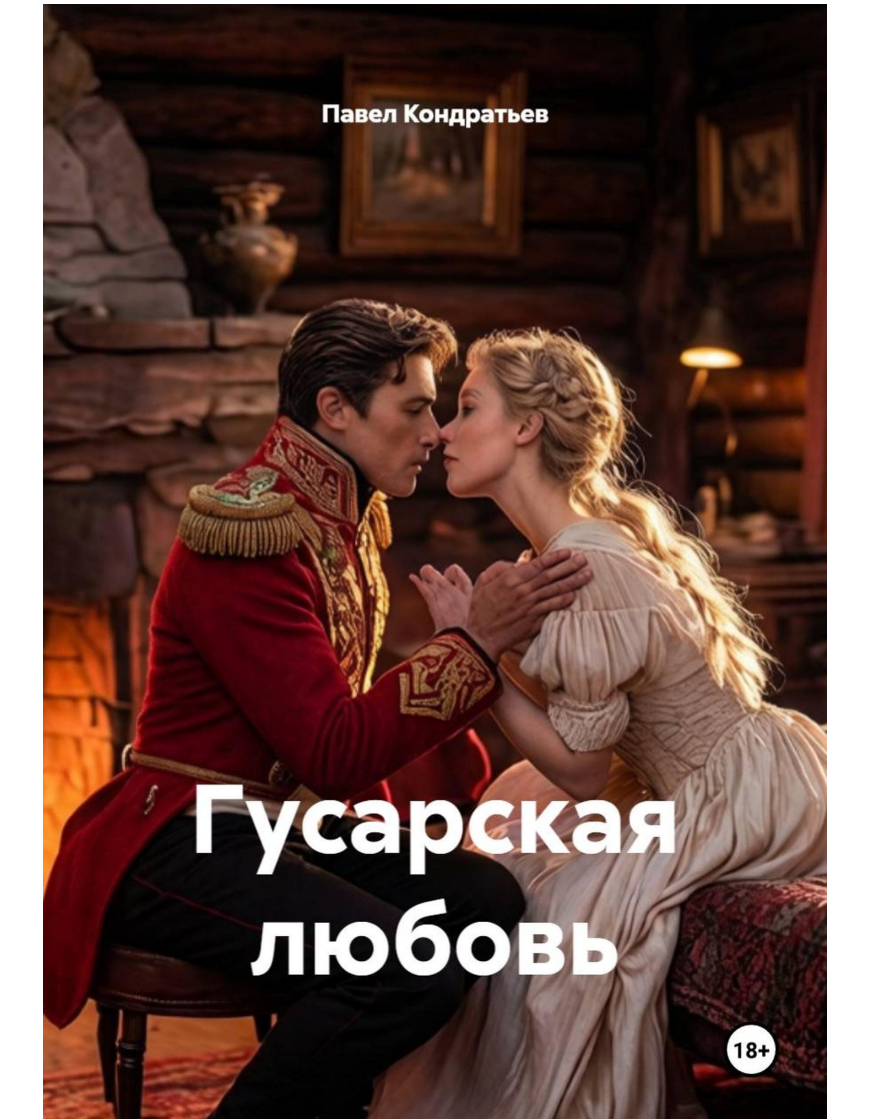

Павел Кондратьев

Гусарская любовь

18+

Павел Кондратьев

Гусарская любовь

<https://litres.ru/74127742>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда судьба предлагает два пути — замужество с нелюбимым графом или маскарад в гусарском полку, — Александра Тарусова выбирает третий: смелость. Переодевшись в мундир брата, она становится корнетом Тарусовым, чтобы спасти честь семьи. Но вместо спокойной службы её ждёт встреча с ротмистром Вельяминовым — дерзким, опасным и невыносимо притягательным. Их игра в маскарад перерастает в игру в любовь. Смогут ли они сохранить тайну и не потерять друг друга? «Гусарская любовь» — это история о смелости быть собой, даже когда ты в чужом мундире.

Павел Кондратьев

Гусарская любовь

ГУСАРСКАЯ ЛЮБОВЬ

Роман в четырёх частях

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: МАСКАРАД

Глава 1. Западня

Свеча оплыла уже наполовину, роняя на дубовый стол восковые слёзы, а отец всё сидел, обхватив голову руками, будто мог таким образом удержать в ней остатки состояния. За окном хлестал по стёклам холодный сентябрьский дождь, и в его шуме тонули последние отголоски благополучной жизни, которую семья Тарусовых вела ещё месяц назад.

Гостиная, некогда светлая и нарядная, теперь казалась Сашиной комнатой в чужом, отсыревшем доме: полинявшие обои, потемневшие от копоти свечей потолки, на стенах — светлые прямоугольники там, где раньше висели картины, давно проданные за долги. Только большие напольные часы в углу упрямо продолжали отсчитывать время, будто им одним не было дела до разорения хозяев.

— Александра, — сказал отец, не поднимая глаз, — граф Осокин согласен списать долг. Весь. До копееки.

— И что же он хочет взамен? Наш дом? Лес? — Саша стояла у окна, скрестив руки на груди, и дождевые капли, стекавшие по стеклу, бросали на её лицо дрожащие тени. В свои девятнадцать она была высокой для женщины, тонкой в кости, но с той твёрдой, чуть резковатой красотой, что не сразу бросается в глаза, а после уже не отпускает: тёмные, почти чёрные волосы, забранные на ночь в тугую косу, серые глаза, смотревшие всегда чуть исподлобья, с вызовом, и рот, слишком решительный для благовоспитанной барышни — рот человека, привыкшего говорить то, что думает.

— Тебя.

Она не вздрогнула. Только чуть прищурилась, будто оценивала, насколько нелепа услышанная цена.

— Мне девятнадцать. Ему пятьдесят три и три подбородка.

— Александра!

— Я лишь называю числа, папенька. Вы всегда учили меня арифметике.

Отец наконец поднял взгляд — измождённый, постаревший за последние недели на добрый десяток лет человек,

некогда статный помещик, а теперь сгорбленная тень самого себя, — и в этом взгляде было столько мольбы, что Саша почувствовала, как раздражение сменяется чем-то похожим на жалость, и тут же разозлилась на себя за эту жалость.

— А Николай? — спросила она резче, чем хотела. — Что с братом?

— Хуже. — Отец протянул письмо дрожащей рукой; сургучная печать была уже сломана, бумага измята от того, что её перечитывали десятки раз. — Полковой командир пишет, что Николай обвинён в растрате полковой кассы. Он клянётся, что не брал ни рубля, но улики против него, и через две недели трибунал.

Саша взяла письмо, пробежала глазами убористый, торопливый почерк полкового писаря.

— Он не крал. Николай скорее удавится, чем возьмёт чужое. Значит, украл кто-то другой, а свалили на него.

— Это уже не имеет значения, если некому будет доказать обратное.

Она смотрела на огонь свечи и молчала долго — так долго, что фитиль успел затрещать и брызнуть искрой, а отец

решил, будто дочь наконец смирилась.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я поеду.

Отец с облегчением потянулся было её обнять, но она отстранилась, отступив на шаг к окну, за которым дождь усиливался, будто сама природа готовила декорацию к безумству, которое она задумала.

— Не к графу Осокину. В полк.

— Что?!

— У Николая есть мундир, оставшийся с юнкерского училища. Он мне почти впору — я на полголовы ниже, но это исправимо сапогами на два размера больше и лишней парой шерстяных чулок. Острижёмся, перебинтуемся, и через три дня в полку появится корнет Александр Тарусов, кузен пропавшего без вести корнета Тарусова, приехавший заступиться за честь семьи.

— Ты с ума сошла. Тебя раскроют в первый же час!

— Тогда я войду во второй час, — усмехнулась Саша, и в этой усмешке уже было что-то от того гусара, каким ей предстояло стать.

Ночью, когда дом затих, а дождь за окном перешёл в мелкую, шуршащую морось, она заперлась в своей комнате и достала отцовские ножницы. Единственная свеча бросала неровный свет на трюмо, в зеркале которого отражалась ещё вчерашняя барышня — с длинными, до пояса, тёмными волосами, в белой ночной рубашке с кружевным воротом.

Волосы падали на пол длинными прядями, тихо, почти неслышно, и с каждой отрезанной прядью с плеч будто спадал ещё один слой прежней жизни — балов, реверансов, веров, всего того языка, на котором женщине полагалось говорить намёками, а не словами напрямую. Когда дело было сделано, Саша долго смотрела в зеркало на незнакомку с коротко стриженными, чуть выющимися на концах волосами и жёстким, почти мужским прищуром — и впервые за долгое время не чувствовала страха.

Она чувствовала азарт — тот самый холодный, звенящий азарт, что охватывает игрока перед решающей ставкой.

Глава 2. Корнет Тарусов

Полк стоял лагерем в имении, реквизированном под нужды армии, — некогда роскошная усадьба с облупившейся лепниной на фасаде, обращённая теперь в казарму, конюшню и штаб одновременно. Пыль, поднятая копытами сотен

лошадей, висела в тёплом сентябрьском воздухе золотистой дымкой; пахло навозом, кожей, порохом и дымом полевых кухонь. Крики фельдфебелей, ржание коней, стук молотков в кузне — весь этот многоголосый лагерный гул обрушился на Сашу разом, стоило ей въехать в ворота имения на взятой у соседа лошади.

Мундир сидел неловко — слишком широк в плечах, узок в талии, но затянутый ремнём и портупеей, он худо-бедно скрывал те очертания, что могли бы её выдать. Саша старалась не глядеть по сторонам слишком любопытно, зная: чем меньше внимания, тем меньше риска.

— Корнет Тарусов? — окликнул её адъютант, невысокий человек с усталыми глазами, сверяясь со списком в потрёпанной тетради. — Прибыли не по форме — опоздали на два дня.

— Дороги, — коротко ответила Саша, стараясь говорить ниже обычного и без лишних слов.

Адъютант хмыкнул и повёл её мимо палаток, туда, где строился эскадрон на утренний развод. И тут-то она впервые увидела его.

Ротмистр Дмитрий Вельяминов стоял чуть в стороне от

строю, у коновязи, лениво похлопывая перчаткой по ладони. Высокий — на голову выше большинства офицеров, широкий в плечах, с той свободной, чуть небрежной осанкой человека, который знает цену своей стати и не считает нужным её подчёркивать. Тёмно-русые волосы, выбившиеся из-под фуражки на висках, пшеничные усы, приподнятые в вечной полуулыбке, и глаза — светло-карие, почти янтарные, смотревшие на мир с той смесью насмешки и жадного любопытства, что выдавала в нём человека, скучающего по-настоящему только в перерывах между опасностями. Долман сидел на нём как влитой, будто портной снимал мерку прямо с гусарской легенды.

Он оглядел прибывшего новичка с ног до головы за одну секунду — и этой секунды хватило, чтобы Саше стало не по себе.

— Новенький, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, но так, что слышали все. — Гляньте-ка, какой гладкий. Прямо барышня на выданье, только в мундире.

По строю прошёл смешок. Саша почувствовала, как щёки заливают жар, но заставила себя вздёрнуть подбородок.

— Я корнет Тарусов, и вам, сударь, придётся привыкнуть к моему лицу — оно не станет грубее от ваших острот.

Вельяминов приподнял бровь. Такого ответа он явно не ожидал от «гладкого» новичка.

— О-о, — протянул он с явным удовольствием, подходя ближе неспешным, кошачьим шагом, — а у нашего мальчика, оказывается, есть зубы. Это хорошо. Безмолвных тут и без вас довольно.

Он обошёл её кругом, как лошадь на ярмарке, разглядывая с ленивым прищуром, и Саша сжала кулаки, борясь с желанием отступить на шаг.

— Скажите, Тарусов, — Вельяминов остановился прямо напротив, глядя ей в глаза с высоты своего роста так близко, что она уловила запах табака и дорожной пыли от его мундира, — вы саблей владеете, или только языком?

— Извольте проверить, ротмистр, и тогда узнаете, чем я владею лучше.

Строй уже откровенно веселился. Вельяминов усмехнулся — медленно, широко, обнажив ровные белые зубы, — и в этой усмешке Саша впервые увидела не насмешника, а человека, которому и вправду стало интересно.

— Приму вызов, корнет. Завтра на рассвете. Учтите — я не жалею противников за миловидность лица.

— А я не рассчитываю на жалость.

Он развернулся и пошёл вдоль строя, а Саша ещё долго стояла на пыльном плацу под белёсым сентябрьским небом, чувствуя, как колотится сердце — не только от страха разоблачения, но и от чего-то ещё, чему она пока не находила названия.

Глава 3. Занять корнета

Поединок на рассвете обернулся неожиданно. Роса ещё лежала на траве плаца, воздух был по-утреннему прохладным и пах мокрой землёй, когда Саша, обучавшаяся фехтованию тайком у старого учителя брата, продержалась куда дольше, чем рассчитывал Вельяминов, — и он, вместо досады, к концу поединка хохотал в голос, откинув голову, отчего утреннее солнце блеснуло на его вспотевшем лбу.

— Ну, будь я проклят, — сказал он, опуская саблю. — Корнет Тарусов, беру свои слова обратно. Вы деретесь лучше половины моего эскадрона.

С того утра он стал относиться к ней иначе. И именно поэтому, когда командующий устроил вечер в честь прибытия

резервов, Вельяминову было велено:

— Займите-ка нашего юного героя, ротмистр. Не годится, чтобы он весь вечер подпирал стену.

Зала имения, отведённая под вечерние собрания, была освещена десятками свечей в бронзовых канделябрах, отчего воздух казался тёплым, золотистым, чуть дымным от воска. Пахло разгорячёнными телами, духами, начищенной медью эполет. Занять её, впрочем, взялись сразу трое — потому что стоило Саше появиться в зале в парадном мундире, порозовевшей от смущения под пристальными взглядами, как к Вельяминову присоединились две барышни.

Полина Аркадьевна, самая хорошенькая блондинка уезда, была в бледно-голубом платье, открывавшем плечи цвета сливок, с крупными локонами, уложенными по последней моде, и с веером слоновой кости, которым она обмахивалась с той расчётливой ленью, что стоила ей часов перед зеркалом. Луиза, темноволосая, чуть смуглая от южной крови, носила красное платье, слишком яркое для скромного вечера, и гитару через плечо, будто это было продолжением её руки.

Анастасия — тихая, с русыми волосами и задумчивым взглядом, в платье цвета утреннего неба, стояла чуть поодаль, наблюдая за происходящим с лёгкой, едва заметной

улыбкой.

— Ротмистр Вельяминов! — Полина склонила голову, глядя из-под ресниц. — Вы весь вечер прячете от нас нового корнета. Это нечестно.

Вельяминов поклонился с преувеличенной торжественностью.

— Дамы, позвольте представить: корнет Александр Тарусов. Дерётся отменно, острит метко, а вот танцует, подозреваю, из рук вон плохо.

— Отчего же вы так решили? — Саша вскинула подбородок.

— Оттого что вы весь вечер стоите так, будто боитесь, что вас пригласят.

Полина, приняв заминку за юношескую робость, взяла инициативу, подступая ближе так, что Саша ощутила аромат её духов — что-то сладкое, из роз и амбры.

— Не бойтесь, корнет, я не кусаюсь. — Она склонила голову с той отработанной жеманностью, что заставляла краснеть половину офицеров уезда, и добавила тише, почти шё-

потом, но так, чтобы слышали все: — Хотя, говорят, кое-кто предпочитает, чтобы дамы кусались чуть сильнее.

Луиза рассмеялась, беря несколько аккордов на гитаре:

Ах, корнет, вы так стеснительны,
Точно роза без шипов.
Но в глазах у вас — таинственность,
Обещанье бурных снов.

— А вы, ротмистр, — Полина легонько коснулась веером его рукава, возвращая внимание к себе, — весь вечер обещали мне рассказать историю про турецкую кампанию, и до сих пор молчите.

— Историю про кампанию или историю про турчанку, которая в неё затесалась? — уточнила Луиза с невинным видом.

Анастасия тихо рассмеялась из своего угла, но промолчала.

— Дамы, дамы, — Вельяминов приложил руку к груди, — обещаю рассказать обе истории, и притом ни одну не приукрашу — что, поверьте, гусару стоит немалых усилий.

Он оглянулся на Сашу, будто приглашая её тоже оценить шутку, и в этом взгляде, брошенном ей одной, было куда больше, чем в любом комплименте, адресованном дамам. Свет свечей плясал в его глазах, и Саше на миг показалось, что он видит её насквозь — не тайну её пола, а что-то другое, более простое и оттого более пугающее: что ей приятно его внимание.

Вечер закончился поздно, но Саша ещё долго не могла уснуть в душной палатке, вспоминая не столько слова Вельяминова, сколько то, как он на неё смотрел.

Глава 4. Ночь у озера

Через неделю компания молодых офицеров и барышень выбралась на озеро — устроить маленький праздник по случаю дня рождения полкового командира. Вечер выдался тёплым, безветренным; небо, бархатно-чёрное, было усыпано звёздами так густо, что казалось присыпанным сахарной пудрой, а их отражение дрожало в чёрной глади воды вместе с огнями расставленных на берегу фонарей. Пахло свежескошенной травой, дымом от костра и порохом от готовящихся фейерверков.

На разостланном персидском ковре расположилась компания: Саша уже без мундира, в одной белой рубашке с закатанными по локоть рукавами, Полина в лёгком платье цвета

слоновой кости, разметавшаяся на подушках с той грацией, что удавалась ей даже в подпитии, Луиза с неизменной гитарой, Анастасия с бокалом в руке, и Вельяминов, пытавшийся зубами откупорить бутылъ старого рома.

Саша пила осторожно, зная, чем грозит потеря контроля, но вечер был тёплым, компания — весёлой, а ром, разлитый по мутноватым походным стаканам, пах дымом и чем-то сладковато-обжигающим.

— А теперь, — объявил Вельяминов, разливая, — тост за корнета Тарусова, который единственный из молодых не сбежал с моего урока фехтования в слезах!

— За корнета! — подхватила Полина, чокаясь с азартом человека, для которого любой повод хорош, лишь бы выпить в приятной компании.

Саша выпила залпом — и тут же пожалела. Голова закружилась быстрее, чем она рассчитывала, лицо обдало жаром, а язык вдруг сделался куда смелее хозяйки.

— Знаете, что я вам скажу, ротмистр, — она погрозила ему пальцем, — вы как этот ром. Прямо в лоб. Никаких вам «ах, сударь, позвольте» — сразу бах, и ясно всё.

Компания взорвалась хохотом. Вельяминов, довольный сравнением сверх всякой меры, картинно прижал руку к сердцу.

— Лучшего комплимента в жизни не слышал!

— А я на что похожа? — тут же встряла Луиза, подбираясь ближе с гитарой, свет костра золотил её тёмные волосы.

— Ты — как эта самая гитара, — Саша качнулась, но упрямо продолжала, — звонкая, и с тобой веселее. А Полина... — она обернулась к блондинке с видом провидицы, — Полина — это фейерверк. Все смотрят, ахают, как красиво взлетает, а потом — бабах! — и грохот на весь уезд.

— А я? — тихо спросила Анастасия, улыбаясь.

Саша посмотрела на неё и на миг задумалась.

— Ты, Настя, — сказала она мягче, — как лунный свет. Тихо, но всё освещаешь. Не бросаешься в глаза, но без тебя темно.

Анастасия слегка покраснела и опустила взгляд.

Вельяминов смотрел на пьяную, разрумянившуюся, рас-

терявшую всю свою настороженность Сашу — на её покрасневшие щеки, на растрёпанные короткие волосы, на глаза, блестевшие в свете костра почти лихорадочно, — и в его взгляде мелькнуло что-то новое, уже не насмешливое, а внимательное, почти нежное.

— А знаете, — сказала Саша тише, уже раскачиваясь на пятках, — быть собой — это лучше, чем любая война. И лучше рома. Хотя ром тоже неплох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.